

АЛЕКСАНДР КАЗАНКОВ, ОЛЕГ ЛЕЙБОВИЧ*

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ФЕЙЕРАБЕНДА**

ДИАЛОГ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МЕТОДЕ

Получено: 15.06.2020. Рецензировано: 20.08.2020. Принято: 29.08.2020.

Аннотация: Обсуждение современной ситуации с методами исторического исследования происходит в виде диалога двух практикующих историков, имеющих философский бэкграунд. Тема исторических методов рассматривается участниками диалога в широком контексте истории науки. Основные тезисы, сформулированные в диалоге, таковы: представление о существовании особого исторического метода или совокупности методов является отличительной чертой советской исторической школы. Генеалогия исторического метода (как и условия его возможности) связана с процессом самоопределения истории как позитивного знания. Позитивизм предполагал единство метода для всего корпуса наук: от астрономии до социологии. Эта позитивистская идея была воспринята марксизмом. По формуле Ф. Энгельса, историк обязан открывать связи в самих фактах, подобно любому естествоиспытателю. Тем самым история из отрасли метафизики и жанра назидательной литературы превращается в научную дисциплину — она обязана открывать всеобщие универсальные законы исторического процесса. Первое поколение советских историков-марксистов (М. Покровский, Н. Рожков) полностью идентифицировали себя с естествоиспытателями; своих оппонентов и предшественников они отождествляли с носителями ложного сознания — идеологами. Они пользовались готовой априорной схемой — учением об исторических формациях и классовой борьбе — но не подвергали ее рефлексии. Результатом такого подхода стало пренебрежительное отношение к содержанию исторических источников, закрепленное сталинской директивой в 1931 году. В 1930-е годы дисциплинарный статус истории был подвергнут критике К. Поппером за отсутствие прогностики. После этого за историей надолго закрепился статус эмпирической базы иных социальных дисциплин. Реакцией на это стало формулирование особых методов исторического исследования, не критично воспринятых советской и постсоветской университетской наукой. Наличие этих методов возвращало истории статус теоретической дисциплины. В заключительной части диалога эта позиция деконструируется на основе постпозитивистской философии науки П. Фейерабенда.

Ключевые слова: исторический метод, философия науки, позитивизм, советская историография, методология истории, современная эпистемология.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-71-92.

*Казанков Александр Игоревич, к. филос. н., доцент, Пермский государственный институт культуры (Пермь), tokugava2005@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-6647-5047; Лейбович Олег Леонидович, д. и. н., профессор, Пермский государственный институт культуры (Пермь), oleg.leibov@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5191-939X.

**© Казанков, А. И.; Лейбович, О. Л. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

А. К.: В сообществе историков принято говорить об особенных методах исследования, которыми владеют только профессионалы. В авторефератах диссертаций стереотипным блоком идет перечисление методов: системного, историко-генетического, историко-биографического, сравнительно-исторического, метода периодизации, проблемно-хронологического и т. п. (см.: Веселов, 2019; Хатанзейская, 2019). Наряду с такими атрибутами исследования, как определение его *объекта* и *предмета*, его *целей* и *задач* они составляют непрременную часть локального научного дискурса.

О. Л.: В известном коллективном труде «Новые перспективы исторического письма» (см.: *New Perspectives on Historical Writing*, 2001), изданном под редакцией П. Бёрка, читатель не обнаружит упоминания ни об одном из вышеперечисленных методов. И это несмотря на то, что книга часто используется в качестве учебного пособия в западных университетах.

А. К.: Хотелось бы добавить, что в отечественном гуманитарном знании (и даже не только в нем) существует представление о некоем метадисциплинарном Историческом методе (именно так, с большой буквы). Вот, например, цивилист К. Арсланов уверено заявляет: «Исторический метод научных исследований, как правило, указывается в каждой диссертации по праву на соискание степени кандидата и доктора наук в качестве одного из основных» (Арсланов, 2019: 111). Для усиления аргументации диссертанты могли бы сослаться на высказывание К. Маркса: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории» (Маркс и Энгельс, Айхенвальд, 1955: 16). Но есть любопытная подробность: в основной корпус «Немецкой идеологии» эта любимая историками цитата не вошла, Маркс сам ее вычеркнул.

О. Л.: Подобную ситуацию проще всего трактовать как яркое проявление самобытности отечественного исторического знания или как признак сложившейся научной школы. А можно усложнить, сформулировав вопрос: способно ли научное знание обладать самобытностью на уровне исследовательских методов? Или конкретнее: существуют ли особенные методы исторического исследования? Но, разумеется, философы предпочли бы такую формулировку: как возможен исторический метод?

А. К.: Формулировка почти кантианская. Согласимся, что ответ на подобный вопрос неотделим от решения другого: как возможна история как научная дисциплина? Напомним, что в ситуации кантианского вопрошания науки, которые подвергались трансцендентальному анализу, были уже действительны, а следовательно, возможны

(см.: Кант, Фохт, 1964). Тогда возникает еще один вопрос: с какого времени история действительна как научная дисциплина?

О. Л.: К решению этого вопроса можно подойти двояко: имманентно и трансцендентно. Последнее предполагает внешний взгляд на историческую науку, рассматривающий ее как сложившуюся *институцию*: появление университетских кафедр, профессиональных периодических изданий и утверждение позитивистского подхода к прошлому. Тогда история действительна с XIX века, а ее «отцом» можно признать Л. фон Ранке (см.: Савельева, Полетаев, 2007).

Имманентный подход, т. е. внутридисциплинарный, представлен двумя устоявшимися точками зрения на действительность истории: первая — существует непрерывность традиции исторического письма от Геродота до наших дней; вторая — история как отрасль знания, напротив, действительна со времени разрыва с Геродотом. С того самого времени, когда она самоопределяется, преодолевая традицию нравоучительной или эпической новеллы о занимательных событиях.

А. К.: Против возможности применения институционального подхода можно привести банальный аргумент: существование кафедр теологии и периодических теологических изданий вовсе не делает теологию наукой и не позволяет ставить вопрос о применяемых ею научных методах. Предпочтительней искать основания действительности истории, а следовательно — и ее методов, в пределах движения самого исторического познания.

О. Л.: Тогда перед нами возникает еще одна проблема, которую требуется решить: как можно зафиксировать появление истории как науки, находясь в пределах самой исторической традиции? Иначе говоря: как понять, что началась современная историография — когда-то и как-то?

А. К.: В широком философском смысле начало есть момент, событие, нечто вроде точки сингулярности, когда нечто сущее преходит, подвергается отрицанию и это отрицание (в тот же момент и в том же определении) создает новую позитивную данность — это ответ на вопрос «как?». Что касается вопроса «когда?», стоит вспомнить рекомендацию лучшего эксперта по разного рода генеалогиям знания — М. Фуко. Он высказывал обоснованное сомнение по поводу существования длинных непрерывных интеллектуальных традиций и гомогенности любого дискурса (морального, религиозного, исторического)¹.

¹ «Генеалогия не претендует на то, чтобы повернуть время вспять и установить громадную континуальность, невзирая на разбросанность забытого; она не ставит перед собой

О. Л.: Стало быть, начало истории как действительной науки следует искать на короткой временной дистанции — в точке разрыва, когда она отделяется от метафизики и морализирующего литературного повествования. В последней трети XIX столетия, как было замечено бельгийским историком: «History was strictly distinguished from literature and philosophy» (Warland, 2010: 33).

А. К.: Согласившись с тем, что история действительна как наука с последней трети XIX столетия, мы получаем примерную датировку «разрыва», отрицания традиции, после которого можно предположить оформление исторического метода (или методов). Интересующее нас событие по времени неслучайно совпадает с господством позитивизма в интеллектуальной сфере.

О. Л.: Необходимо учесть еще и марксистский ответ позитивистам. К. Маркс действительно ответил на вызов, брошенный О. Контом. Главной заслугой немецкого философа Ф. Энгельс считал именно превращение истории в науку: «... это понимание наносит философии смертельный удар в области истории точно так же, как диалектическое понимание природы делает ненужной и невозможной всякую на-тур-философию. Теперь задача в той и в другой области заключается не в том, чтобы придумывать связи из головы, а в том, чтобы открывать их в самих фактах» (Энгельс, Айхенвальд, 1961: 316).

А. К.: Да, открывать связи в самих фактах — такую формулировку исторического метода не оспорил бы ни один ортодоксальный позитивист. Все совпадает: момент самоопределения науки, провозглашение метода, разрыв с метафизикой и моральным дискурсом. Действительно, точка сингулярности. И удивительно близко расположенная по отношению к современности. История как наука родилась под вифлеемской звездой позитивизма: в момент ее появления внутрь новой дисциплины была некритично экстраполирована из естествознания субъект-объектная структура наблюдения, релевантная классической рациональности².

задачу показать, что прошлое все еще здесь, благополучно живет в настоящем, втайне его оживляя, предварительно придав всем помехам на пути форму, предначертанную с самого начала [...] Поиск истока не приводит к основе, напротив, он растревоживает то, что мыслилось неподвижным, он дробит то, что полагалось единым, он показывает гетерогенность того, что мнилось пребывающим в согласии с самим собой» (Фуко, Фурс, 1996: 74–97).

²Классический идеал рациональности мы принимаем в формулировке М. К. Мамардашвили. (см.: Мамардашвили, 2004).

О. Л.: Русские историки-марксисты первого поколения декларировали и популяризировали эту идею совершенно открыто, как правило, в упрощенной форме, подчеркивая тождество истории и естествознания. Так, М. Н. Покровский утверждал, что историки могут прямо созерцать минувшее: «Совершенно ошибочно, будто непосредственное наблюдение культурно-исторических фактов — дело абсолютно невозможное: на земном шаре есть целый ряд народов, теперь еще стоящих на тех ступенях развития, которые для европейцев представляются более или менее отдаленным прошлым» (Очерк истории русской культуры, 2012: 19). Неповторимость исторических событий — не помеха: «Но уже в астрономии, например, индивидуального сколько угодно» (там же: 18).

По мнению Н. Рожкова, методические ходы историка неотличимы от действий естествоиспытателя: «...как современная физика сводит все физические явления, в конечном счете, к электрическим явлениям, объясняя многое и непосредственно этими элементарными процессами, так и современная социология многое в общественной жизни объясняет непосредственно влиянием экономических явлений, сводя все общественные явления, в конечном счете, к явлениям хозяйственным» (Рожков, 1926: 10).

А. К.: Позволю себе заметить, что в данном случае никакого представления об особых, специфических для исторического исследования методах мы не обнаруживаем ни у позитивистов, ни у марксистов. Историческая наука становится действительной не благодаря, а вопреки оригинальности подхода. Чуждый всякой метафизике (которой был нанесен «смертельный удар»), основанный сугубо на фактах научный метод должен был установить необходимые связи в самом предмете, открыв тем самым законы истории. Законы эти должны были обладать характерными особенностями всеобщего и необходимого (т. е. естествонаучного) знания и являться воплощением принципа детерминизма.

О. Л.: Реализация приведенной выше формулы Энгельса («открывать связи в самих фактах») породила множество противоречий. Говорить нечто подобное после «Трансцендентальной аналитики» И. Канта философу было просто неуместно. В этом разделе «Критики чистого разума» вполне убедительно обоснована роль априорной схематики в конструировании каких бы то ни было связей в естествознании. Они не «считываются» с фактов, иначе «разумная действительность» научного изображения природы просто не состоится. Взгляд ученого был бы обречен вечно блуждать по дурной бесконечности эмпирического.

А. К.: Чуть позже еще Э. Гуссерль, следуя за Кантом, продемонстрировал, как именно при непосредственном участии Г. Галилея в естествознание была внедрена *mathesis universalis* (универсальная математика) (см.: Гуссерль, Молчанов, 2000). Но эти философские предостережения были проигнорированы исполненными позитивистского оптимизма историками. Кажущаяся прозрачность аналогичного естествознанию исторического описания не позволяла даже поставить вопрос о том, что в труде историка выполняет функцию априорного математического разума в практике естествоиспытания. Эта роль в Советской России *de facto* исполнялась социологическими законами в их марксистской интерпретации³. Априорная схема все-таки пришла и немедленно стала дисквалифицировать факты, из которых, по идее, должна быть извлечена.

О. Л.: Вы имеете в виду письмо И. В. Сталина в редакцию исторического журнала, где он обличает «архивных крыс» и «безнадежных бюрократов», роющихся в «бумажных документах» (Сталин, 1951: 96)?

А. К.: Да, именно его. После этого директивного требования «факты» приобрели характер исчезающего момента реализации априорной «исторической закономерности», тем самым полностью утратив самостоятельное значение. Сама же историческая закономерность надолго стала компонентой властного дискурса⁴. Сталин сам определял, что является социальным законом, а что — нет. Всякие попытки самостоятельного формулирования законов общественного развития могли оказаться «вульгарным (абстрактным) социологизмом». «Открывать связи в фактах» стало занятием бесполезным, предосудительным и опасным. Параллельно происходил процесс дисквалификации позитивистских методов исторического исследования, на глазах превращавшихся в «буржуазный объективизм» и «методы фальсификации исторической действительности».

³ «Именно тогда для большинства историков не существовало дилеммы, должна ли история стать социальной наукой. В СССР вопрос так вообще не ставился, потому что единой для всех исследований объяснительной схемой был исторический материализм, развитая социальная теория». (Савельева, 2017: 7)

⁴ Михаил Геллер сформулировал различие между историческими доктринами М. Н. Покровского и И. В. Сталина: «Можно считать марксистскую интерпретацию прошлого в изложении Покровского и его „школы“ ошибочной или верной. Бесспорно то, что она была концептом, логической конструкцией, позволявшей иметь прочное мировоззрение. Доктрина может меняться мгновенно, по мановению верховной руки, но в промежутках — она неподвижна, нерушима. До очередного поворота» (Геллер, 1991: III).

О. Л.: Процесс завершился далеко не сразу. Н. И. Бухарин еще получил возможность высказать в газетной статье сомнение по поводу избыточной схематичности М. Н. Покровского: «...он оторвал общество от его агентов, абстрактное от конкретного, социологию от истории, „законы“ от „фактов“...» (Бухарин, 1936). Проницательный читатель мог догадаться, что речь шла не только и не столько о взглядах покойного академика.

А. К.: Таким образом, дисциплинарное становление советской историографии было абортировано. Она неизбежно стала приближаться к «доисторическому» облику исторической традиции, стремясь в пределе к назидательной новелле или эпическому мифу. Во всяком случае, именно по этим критериям исторические монографии оценивала партийная печать. Академик С. Б. Веселовский иронизировал: «...новостью является только то, что наставлять историков на путь истины „сравнительно недавно“ взялись литераторы, драматурги, театральные критики и кинорежиссеры» (Веселовский, 1963: 34).

О. Л.: Интересно то, что примерно в это же время в западной историографии, которая развивалась непрерывно и на собственных основаниях, следовательно — независимо от советских злоключений, тоже созрел внутридисциплинарный кризис. Его обозначил К. Поппер в своем докладе «Нищета историцизма», прочитанном в 1936 году в Брюсселе.

А. К.: Ваш тезис звучит еретически. Всем известно, что критика К. Поппера адресована именно марксистскому «историческому материализму». Да и сам он об этом неоднократно высказывался: «Моей главной целью была критика марксистского „материалистического понимания истории“ — попытки предсказать, что социализм (или коммунизм) неизбежно наступит в результате надвигающейся социальной революции» (Поппер, Кудрина, 1993: III).

О. Л.: Позволю себе не поверить самому автору текста. Речь шла об общем кризисе исторического знания. Марксизм в Европе был только частью общего позитивистского интеллектуального ландшафта с его прогрессизмом, верой в силу научного разума, в конечном счете — телеологичностью. Неслучайно в приведенной цитате марксизм обвиняется именно в недостаточной прогностической эффективности. Вот предсказывает же астрономия затмения и движение планет через столетия. А историки не смогли предвидеть наступления Нового Средневековья.

А. К.: Т.е. основным вызовом исторической науке стал национал-социализм, победивший в одной отдельно взятой стране?

О. Л.: Не совсем так. У Поппера прагматический, совершенно утилитарный подход, во многом подобный подходу Сталина. Для Иосифа Виссарионовича история есть служанка политики, целиком зависящая от меняющейся конъюнктуры. У Карла Поппера историческая наука должна давать обоснованные и достоверные прогнозы. Его навязчивые аналогии с астрономией свидетельствуют именно об этом. Реконструкция прошлого, приближающаяся к идеалу объективности, не имеет ни для того, ни для другого никакого самостоятельного значения. Совсем по Марксу: «В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» (Маркс, Айхенвальд, 1955: 1). В попперовском понимании история действительно только в качестве эмпирической базы для социологии⁵.

А. К.: Следовательно, неудовлетворительность прогностики вынудила позитивиста Поппера поставить вопрос о возможности позитивной исторической теории и, соответственно, произвести методологическую ревизию. Неизбежно должен был возникнуть вопрос и о пресловутых «законах истории». По мнению К. Поппера, они [законы] должны формулироваться по тем же правилам, что и законы «преуспевающих» наук, и производиться теми же процедурами. Никаких особых методов исторического познания он не признает.

О. Л.: Спустя тридцать лет эта тема всплыла в среде советских историков в процессе профессионального самоопределения научного общества. Отечественная историческая школа за малым исключением (Кертман, 1971: 55 - 68) никаких законов не открывала, предоставив это социологии. Академик Е. М. Жуков открыто признал фиаско исторической науки: «Разница в подходе социологии и истории к общему объекту исследования заключается в том, что социология выявляет и выделяет преимущественно то общее, типическое, что присуще процессу всемирной истории, история же концентрирует свое внимание преимущественно на частных проявлениях общих закономерностей ...» (Переход от феодализма к капитализму..., 1969: 104).

А. К.: Необходимо уточнить, что под социологией в данном случае понимается философия исторического материализма в соответствии со сложившейся традицией (см.: Ленин как философ, 1969; Колосов, 2004).

⁵«Нелено было бы отрицать важность истории как эмпирического базиса социальной науки» (Поппер, Кудрина, 1993: 48).

О. Л.: Мне кажется, что в нашем диалоге присутствует какое-то слепое пятно. Мы все ходим вокруг да около исторических методов, но до сих пор не представили анализа ни одного из них.

А. К.: Это неслучайно. Ни один из упомянутых авторов — от Ф. Энгельса до К. Поппера — этим тоже не озаботился. Попросту говоря, номинация той или иной исследовательской процедуры («наблюдать», «открывать связи в самих фактах» и т. п.) не сопровождалась ее конкретным, я бы сказал, операциональным описанием. Т. е. «наблюдение исторических фактов осуществляется следующим образом ...». В «Ниццете историцизма», по крайней мере, описана процедура *наблюдения и эксперимента* и сделана попытка установить их возможность в историческом исследовании. Попытка поверхностная, если не сказать скверно выполненная. В сухом остатке оказалось следующее: экспериментальный метод в историческом исследовании принципиально не применим (не выполняется требование серийности и бесубъектности); сочиненные историками «законы» следует признать фальсифицированными. В силу того, что методы естествознания и социальных наук идентичны, история не обладает статусом социальных наук.

О. Л.: Возможно, академик Е. М. Жуков был знаком с этим выводом: «Исторические науки принимают универсальные законы за нечто само собой разумеющееся и заинтересованы главным образом в том, чтобы найти и проверить единичные утверждения» (Поппер, Кудрина, 1993: 165).

А. К.: После такого вердикта профессиональной корпорации историков следовало бы влиться в литобъединения. Были же, в конце концов, талантливые писатели: Эмиль Людвиг, Анри Моруа. Стефан Цвейг.

О. Л.: Можно добавить в этот ряд малоизвестного за пределами русской эмиграции Марка Алданова. Однако массовой переквалификации в литераторы в среде историков не произошло. Судя по всему, «внешняя» критика философа-методолога осталась незамеченной и историками, и университетской администрацией. Скажу больше: производительность «исторического цеха» в 30–50-е годы резко возросла. Запрос на его продукцию был сформирован Второй мировой войной, плавно перетекшей в холодную. В воюющих (холодно, горячо ли) обществах от историков ждали доступных и популярных текстов, вызывающих патристическое единение нации, предостерегающих от непоправимых ошибок, указующих на «исторических друзей» и «исторических врагов».

А. К.: Классическим примером востребованности исторического нарратива является успех книги американской журналистки Б. Такман

«Августовские пушки» (см.: Tuchman, 1962). Если верить современникам, она была настольной книгой Дж. Ф. Кеннеди. Он искал в ней ответ на вопрос, как избежать сползания к новой мировой войне, и рекомендовал ее всем своим посетителям (Sorensen, 1996: 577 - 578).

О. Л.: Союз с литературой состоялся: «Повествующая история была генетически связана с беллетристическим рассказом» (Вжозек, 1991: 69).

А. К.: При этом историки оставались историками, читали лекции и публиковали монографические исследования, ни сколько не сомневаясь в своей профессиональной идентичности. Мы едва ли сможем узнать что-либо о том, как историки формировали дисциплинарное знание. Можно предположить, что навыки «исторического ремесла» передавались именно «ремесленным» же способом, как «личностное знание» у М. Полани (см.: Полани, 1985). Мы не знаем, насколько эти рутинные практики были алгоритмизированы.

О. Л.: Во всяком случае, до того момента, пришедшегося на рубеж 50-х–60-х годов, когда историки в качестве младших партнеров вступили в альянс с социологами (Савельева, 2017: 5–24). С социологами, кстати, принадлежавшими к предшествующему поколению американских исследователей, которые были ориентированы на социальную статистику и всерьез претендовали на статус точной, генерализирующей науки. Вслед за ними историки стали бредить математикой. Хорошим тоном в профессиональной среде стало оснащение публикаций графиками и таблицами.

А. К.: Было бы интересно заглянуть в то «теневое» умозрительное пространство, в котором рождались исторические гипотезы, но это невозможно⁶. Дисциплинарно-методологические строгости затронули только процедуры их верификации (фальсификации). Тут царствовали принцип корреляционных коэффициентов и весьма несложная математика.

О. Л.: Вы не совсем правы. Частью ремесла историка все-таки является по-прежнему не алгоритмизированная (т. е. ускользающая от требований метода) процедура извлечения фактов из источников. О ней можно сказать только одно: общая сциентистская установка заставляла искать в них только экстенсивные параметры, т. е. массовые явления. В этом видели и зачастую видят аналог естественнонаучного понятия «репрезентативность».

⁶О том, «из какого сора» вырастают научные гипотезы (см.: Фейерабенд, Никифоров, 1986: 125–467).

А. К.: В профессиональном сообществе отечественных историков репрезентативность стала фетишем — главным аргументом в пользу научности исследования. Сработала лобовая аналогия с серийностью лабораторных экспериментов (и массовых социологических опросов): больше архивов, больше фондов, шире географический охват («А вы по Карелии данные проверяли?»).

О. Л.: Я вижу здесь только одну профессиональную слабость: слепую веру в документ, если в нем содержится таблица, заполненная цифрами. При этом сразу же забывают предостережение Ле Гоффа: «Документ отнюдь не отличает первозданная непогрешимость» (Ле Гофф, 2013: 13). Вы же считаете всю эту аналогию некорректной?

А. К.: Да. Но для того, чтобы развести расхожее представление о репрезентативности и её действительном естественнонаучном смысле, нам придется на какое-то время забраться в дебри философии науки. Обратиться к тем теориям, которых большинство историков «ни при какой погоде» не читало. Дело в том, что достоверность (или объективность) вывода в естественных науках связана с серийностью наблюдений не в первую и даже не во вторую очередь. Деконструкция классической субъект-объектной схемы наблюдения показала, что она основана на некоторых гипотетических (неверифицируемых) основаниях.

О. Л.: Что Вы имеете в виду?

А. К.: Прежде всего, представление о едином, гомогенном пространстве гипотетического опыта. Проще говоря, наблюдаемое в нашей части Вселенной должно наблюдаться в любой ее части. Далее — и это главное — иллюзорное самоустранение наблюдающего субъекта. В классической эпистемологии он является бестелесной и асоциальной «точкой прозрачности». Не субъект наблюдает природу, а посредством него природа осуществляет репрезентацию себя себе самой. И, наконец, и в наблюдателе (которого нет), и в самом естестве присутствует одна и та же априорная математика. До того как нечто наблюдать, он производит расчет. Акт наблюдения либо верифицирует, либо фальсифицирует его. Мир является простым и бездушным механизмом, который не может сам по себе произвести нечто, чего бы наблюдатель не мог бы получить в предварительном вычислении. Мир не способен на поступок. Вот, собственно, это есть репрезентативность *per se*.

О. Л.: В таком случае серийность наблюдений того или иного феномена имеет очень ограниченное значение?

А. К.: Да. А именно то, что серия наблюдений может позволить уточнить характер тех или иных констант или параметров. Десять

тысяч «взвешиваний» точнее покажут массу электрона, нежели восемь тысяч, но не изменят понятия «электромагнитное взаимодействие».

О. Л.: Должно ли понимать это так, что объективность естествоиспытателя очень условна?

А. К.: Сформировавшееся в современной философии науки представление о неклассической и постнеклассической рациональности убеждает именно в этом (см.: Степин, 2013).

О. Л.: Вернемся к историкам. На заседаниях ученых советов часто можно услышать вопрос: насколько репрезентативно ваше исследование? Правильный ответ гласит: в моей диссертации представлены 120 фондов из 15 центральных и областных архивов. Скажем сразу, что к той репрезентативности, о которой шла речь выше, и вопрос, и ответ не имеют отношения. На самом деле подразумевается серийность, но отнюдь не репрезентативность. В противном случае нам придется различать репрезентативность по отношению к реальности и репрезентативность по отношению к источникам.

А. К.: Да, действительно, историк не вписывается в конфигурацию «точки прозрачности», в которой социум представляет себя самому себе. Во-первых, не следует считать, что социальное пространство в исторической перспективе гомогенно. Во-вторых, элиминировать наблюдателя — самого историка — невозможно в силу его профессиональной и общекультурной нагруженности. В-третьих, реальность исторических событий всегда дана ему через гипотетического другого — автора текста, сохраненного в документе.

О. Л.: А вот это хорошо понимал А. А. Кизеветтер, предостерегавший от поисков народной души в казенных бумагах: «Московские дьяки умели писать не хуже петербургских статс-секретарей» (см.: Кизеветтер, 1928).

А. К.: Массовые источники, следовательно, лгут массово? И репрезентативность исторического исследования — это не просто внутринаучная иллюзия, но иллюзия в квадрате?

О. Л.: В историческом исследовании репрезентативность, понимаемая как серийность, должна была стать эквивалентом естественнонаучной объективности. Формальная схожесть множественности привлеченных источников (в истории) и выполненных наблюдений (в естествознании) могла создавать иллюзию научной обоснованности. Однако это сходство следует признать содержательно ничтожным и ничего не объясняющим, но функционирующим как регулятивный принцип И. Канта: направляющим познание к окончательному синтезу опыта, т. е. в дурную

бесконечность. В конце концов, всегда останется Мезенский уезд или Карагайский район, не охваченный диссертантом.

А. К.: А можно из этой дурной бесконечности выскочить? Если да, то как?

О. Л.: Прежде всего нужно перестать подражать науке XIX века и не делать вид, будто гипотезы рождаются из фактов, которые даны сами по себе, т. е. независимо от сложившихся в науке конвенций. Это избавляет от необходимости стремиться к завершенности эмпирического синтеза. Дело в том, что единственный контраргумент («В Верхней Пышме, возможно, было не так») способен дисквалифицировать любой вывод. Поэтому приверженцам традиционного представления о репрезентативности исторического исследования следует помнить: индукция совершенна только в том случае, если она полна. В современной науке, напротив, сложилось устойчивое представление о релевантных и аномальных по отношению к теории фактах. Представление о чисто индуктивной науке, где «независимые» факты просто подводятся под теоретическую крышу (обобщение) давно осталось в прошлом.

А. К.: Получается так, что историки, реализуя проект дисциплинарной строгости, загоняют себя в методологическую ловушку. Следуя не вполне адекватно понятому идеалу научности, они предъявляют к себе явно не выполнимые требования. Бремя общенаучных (в классическом понимании) методов оказалось непомерным. В такой ситуации теоретически мыслящие историки рано или поздно должны были прийти к идее замещения единого научного метода (как они его понимали) множеством частных, профессиональных методов.

О. Л.: В данном случае речь идет о типичном идеологическом трансферте. Свои скрытые комплексы по отношению к научному «сверх-Я» (физикам) историки реализовали в представлении об особенных, исключительно им принадлежащих методах исследования, свидетельстве дисциплинарной зрелости и первенства советской науки над западной.

А. К.: Можно ли зафиксировать момент их появления?

О. Л.: И довольно точно. Это 80-е годы XX века, когда И. Д. Ковальченко опубликовал свою монографию (Ковальченко, 1987). Терминологический словарь по теории и методологии исторической науки так представляет вклад И. Д. Ковальченко в современную историографию: «Понятие „основные методы исторического исследования“ было введено И. Д. Ковальченко для обозначения наиболее распространенных логических схем исторического дискурса, которые связаны с типовыми аналитическими задачами научного исследования [...] Совокупность исполь-

зуемых аналитических процедур была положена в основу выделения следующих основных методов исторического исследования: историко-генетического, историко-сравнительного, историко-типологического, историко-динамического (историко-диахронного), историко-системного. Каждый из них задает свой логический план исследования» (Теория и методология исторической науки, 2014: 362–363).

А. К.: Как же эти методы были обнаружены?

О. Л.: На пике сциентистских увлечений историков 60–70-х годов Иван Дмитриевич много работал в области моделирования исторических процессов. Основной проблемой, поднимаемой в его публикациях той поры, являлась возможность построения концептуальных моделей исторической реальности. Например, его интересовал переход от феодально-крепостнического к капиталистическому укладу в сельском хозяйстве Российской империи. Основой применения количественных методов исследования (построения таблиц и графиков) должна была стать «сущностно-содержательная модель», т. е. конкретно-историческая теоретическая схема (Ковальченко, 1978: 72–93). Для количественных методов было достаточно несложной математики. С сущностно-содержательной концептуальной матрицей дело обстояло не так просто. Для ее получения и были сконструированы специфические методы, упомянутые выше.

А. К.: Знакомство с авторефератами диссертаций по истории, рабочими программами дисциплин, учебной литературой позволяет утверждать, что на сегодняшний день в российской историографии эти методы стали общим местом, не нуждающимся в какой бы то ни было интерпретации, а уж тем более — в деконструкции. В лучшем случае их иллюстрируют примерами. Так, Р. Коллингвуд применял «историко-генетический метод» (интересно, знал ли он об этом?), Дж. Фрезер — «историко-сравнительный» и т. п. А если поставить вопрос: не являются ли эти методы простыми номинациями без содержательного наполнения, ящичками с надписями, в которых ничего не лежит?

О. Л.: Напрашивается простая аналогия. Представим себе теоретика музыки. Тщательно наблюдая за игрой музыкантов в течение долгих лет, он решает сформулировать особенные методы исполнительского процесса. Он отмечает, что ударная группа пользуется стучально-ритмическим методом, в то время как исполнители, играющие на духовых инструментах, применяют дифференциально-дудельный метод. Названные методы являются результатом обобщения зрелой практики и основой стратегии музыкального образования. Спросим себя, какова эвристическая ценность подобных такого рода методов?

А. К.: Разумеется, любая аналогия хромает. И. Д. Ковальченко опирался на мощную сциентистскую традицию и стремился соединить ее с марксистской концептуальной схематикой. Выдвинутые им методы идеально выписываются в этот проект, более того, они в нем являются содержательными. За пределами подобного подхода специфические методы исторического исследования превращаются в плеоназм — избыточное удвоение содержания, и без того присутствовавшего в трудах историков.

О. Л.: Означает ли дисфункциональность вышеизложенных методов исследования дисквалификацию истории как научной дисциплины? Неизбежен ли методологический пессимизм, который заметен даже в учебно-методических изданиях? В пособии для историков, опубликованном в 2016 году, можно обнаружить следующие ламентации: «Здесь, конечно же, используются традиционные средства научного исследования. Однако сам объект изучения делает выводы, полученные с помощью этих и других методов (реконструкция исторического прошлого, интерпретация исторических источников, генерализация и др.), порой, весьма размытыми, относительными и спорными» (Мартюшов, 2016: 4).

А. К.: Вообще нет. Необходимо учитывать то обстоятельство, что представления о самой научности необратимо меняется, прежде всего, в философии постпозитивизма и даже частично в неопозитивизме. Поздние тексты К. Поппера, например, существенно отличаются от ранних. В них появляется тезис о конкуренции различных научных программ, требование строгой верифицируемости замещается «мягким» положением о принципиальной фальсифицируемости и т. п. (см.: Поппер, Кудрина, 1993). А наиболее ярко и аргументировано современный взгляд на содержание научной деятельности представлен в работах П. Фейерабенда. Мы просто должны правильно понять ситуацию, сложившуюся после появления его анархической эпистемологии. А полученные выводы будут действительны и для историков.

О. Л.: Если абстрагироваться от методического пуризма, можно построить универсальную модель научной деятельности: она подразумевает два последовательных цикла (или фазы). Первый — это выдвижение гипотезы, которое осуществляется в предельно широком социокультурном контексте. Второй начинается с отбора релевантных гипотез фактов, на основе которых осуществляется ее верификация. Методы здесь работают самые обычные, общенаучные, одинаковые для любого вида исследований. Гипотеза всегда содержит в себе онтологическую

схему, привязывающую исследование к определенной предметной области. Так, однажды Мишель Фуко выдвинул гипотезу о значимости дисциплинарных практик для конкретно-исторической стадии эволюции человеческих обществ. Гипотеза позволила, во-первых, ввести в оборот или реинтерпретировать множество источников, во-вторых, разметила новые «области сущего» (М. Хайдеггер) в историческом контексте, в-третьих, стала конструктивным проектом, она была многократно верифицирована в исследовании различных обществ, в том числе и советского (см.: Хархордин, 2002).

А. К.: Для историков это означает появление возможности формулировать гипотезы на основе всего корпуса гуманитарного знания. В том числе на основе беллетристики, кинематографа, театра и т. п. И это вовсе не является свидетельством теоретической вторичности истории. Так реализуется общенаучный принцип исчерпывающей полноты возможных версий и объяснительных моделей. Главное, чтобы они «работали», т. е. позволяли обнаруживать релевантные гипотезе источники, расширяли их круг, фокусировали взгляд исследователя на те или иные аспекты прошлого. Это предполагает также личную ответственность историка за адекватную интерпретацию источников, ведь работает именно исследователь, а не абстрактный метод. Только широта его эрудиции, знание исторического контекста и языков эпохи, последовательно-критическое отношение к памятникам прошлого и обязательное владение технологиями верификации гипотез определяет дисциплинарный статус его продукции.

О. Л.: Следовательно, отсутствие специфических методов исторического исследования — это благо для профессиональной корпорации?

А. К.: Да. Поскольку оставляет ее в пределах науки. Историк — не тот, кто сочиняет версии, а тот, кто следует общенаучному принципу достаточности оснований. Сама же эта достаточность определяется, кстати, самим профессиональным сообществом в рамках сложившихся в нем конвенций. Эпистемологический анархизм в процессе выдвижения гипотез всегда дополняется строгостью и формализованностью предъявляемой аргументации.

О. Л.: Значит, существует научная жизнь у историков и после П. Фейерабенда?

А. К.: Такая возможность есть.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланов К. М.* Исторический метод и современные цивилистические исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. — 2019. — № 1. — С. 101–114.
- Бухарин Н. И.* Нужна ли нам марксистская историческая наука? : О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М. Н. Покровского // Известия. — 1936. — № 27.
- Веселов С. И.* Автомобильно-дорожное строительство на севере Западной Сибири в 1963–91 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Веселов С. И. — Сургут, СурГУ, 2019.
- Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. — М. : Изд-во АН СССР, 1963.
- Воззек В.* Историография как игра метафор : судьбы «новой исторической науки» // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. — 1991. — С. 60–75.
- Геллер М.* История и политика // Дипломатия и войны царской России в XIX столетии / под ред. М. Н. Покровского. — London : Overseas Publications Interchange, 1991. — С. 1–4.
- Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. В. И. Молчанова // Логические исследования. Картезианские размышления. — М., Минск : АСТ, Харвест, 2000. — С. 544–624.
- Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Б. А. Фохта // Сочинения. В 6 т. Т. 3 / под ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. — М. : Мысль, 1964.
- Кертман Л. Е.* Законы исторических ситуаций // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. — 1971. — С. 60–75.
- Кизиветтер А. А.* Общие построения русской истории в современной литературе // Современные записки. — 1928. — № 37. — С. 310–341.
- Ковальченко И. Д.* О моделировании исторических процессов и явлений // Вопросы истории. — 1978. — № 8. — С. 72–93.
- Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. — М. : Наука, 1987.
- Колосов В. А.* Социология как наука : дискуссии в отечественной литературе 20-х – начала 30-х годов XX века. — Архангельск : изд-во Арх.ГТУ, 2004.
- Ле Гофф Ж.* История и память / пер. с фр. К. З. Акоюна. — М. : РОС-СПЭН, 2013.
- Ленин как философ / под ред. М. М. Розенталя. — М. : Госполитиздат, 1969.
- Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. — М. : Логос, 2004.
- Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Собрание сочинений. В 50 т. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. — С. 1–4.

- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Собрание сочинений. В 50 т. Т. 3 / пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. — С. 7–544.
- Марттошов Л. Н.* Методы исторического исследования : учебное пособие. — Екатеринбург : УрГТУ, 2016.
- Переход от феодализма к капитализму в России : материалы Всесоюзной дискуссии / под ред. В. И. Шункова. — М. : Наука, 1969.
- Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры. Экономический строй: от первобытного хозяйства до промышленного капитализма. Государственный строй: обзор развития права и учреждений. — М. : Книжный дом «Либроком», 2012.
- Полани М.* Личностное знание / пер. с англ. М. Б. Гнедовского. — М. : Прогресс, 1985.
- Поппер К.* Нищета историцизма / пер. с англ. С. А. Кудриной. — М. : Прогресс, 1993.
- Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). — М. : Книга, 1926.
- Савельева И. М.* Историческая наука в XXI веке : ключевые слова // Диалог со временем : Альманах интеллектуальной истории. — 2017. — № 58. — С. 5–24.
- Савельева И. М., Поletaев А. В.* Становление исторического метода : Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем : Альманах интеллектуальной истории. — 2007. — № 18. — С. 68–96.
- Сталин И. В.* О некоторых вопросах истории большевизма : письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // . — М. : Государственное издательство политической литературы, 1951. — С. 84–102.
- Степин В. С.* Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. — 2013. — № 4. — С. 45–59.
- Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / под ред. А. О. Чубарьяна. — М. : Аквилон, 2014.
- Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания // Избранные труды по методологии науки / пер. с англ. А. Л. Никифорова. — М. : Прогресс, 1986. — С. 124–467.
- Фуко М.* Нищета, генеалогия и история / пер. с фр. В. Фурс // Философия эпохи постмодерна : Сборник переводов и рефератов / под ред. А. Усмановой. — Минск : Красико-принт, 1996. — С. 74–97.
- Хархордин О. В.* Обличать и лицемерить : генеалогия российской личности. — СПб., М. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002.
- Хатанзейская Е. В.* Стратегии выживания населения в повседневной жизни советского города, 1929–1945 гг. по материалам Архангельска : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Хатанзейская Е. В. — Архангельск, САФУ, 2019.
- Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Собрание сочинений. В 50 т. Т. 21 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; пер. с нем.

- Ю. И. Айхенвальда. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. — С. 269–317.
- New Perspectives on Historical Writing / ed. by P. Burke. — University Park : The Pennsylvania State University Press, 2001.
- Sorensen T. Kennedy. — New York : Bantam, 1996.
- Tuchman B. The Guns of August. — London : Macmillan, 1962.
- Warland G. Towards Professional History in Belgium and France : “l'école de la méthode” and “l'école de la citoyenneté” // *Leidschrift*. — 2010. — No. 1. — P. 33–53.

Kazankov, A. I., and O. L. Leybovich. 2020. “Yest' li zhizn' posle Feyyerabenda [Is There Life After Feयरabend]: dialog ob istoricheskom metode [A Dialogue About the Historical Method]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 4 (3), 71–92.

KAZANKOV ALEKSANDR IGOREVICH

PHD IN PHILOSOPHY, ASSOCIATE PROFESSOR

DEPARTMENT OF CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY

PERM STATE INSTITUTE OF CULTURE (PERM, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-6647-5047

LEYBOVICH OLEG LEONIDOVICH

DOCTOR OF LETTERS IN HISTORY, PROFESSOR

HONORED WORKER OF THE HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

HEAD OF CULTURAL SCIENCE AND PHILOSOPHY DEPARTMENT

PERM STATE INSTITUTE OF CULTURE (PERM, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-5191-939X

IS THERE LIFE AFTER FEYERABEND A DIALOGUE ABOUT THE HISTORICAL METHOD

Submitted: June 15, 2020. Reviewed: Aug. 20, 2020. Accepted: Aug. 29, 2020.

Abstract: The discussion about modern situation with methods of historical research takes place in the form of a dialogue of two practicing historians with philosophical background. The topic of historical methods is considered by two participants of the dialogue in the broad context of the history of science. The main theses stated in the dialog are as follows: The idea of the existence of a special historical method, or a set of methods, is a distinctive feature of the Soviet school of history. The genealogy of the historical method, as well as the conditions of its possibility, is connected with the process of self-determination of history as positive knowledge. Positivism presupposed the unity of the method for the whole body of science: from astronomy to sociology. This positivist idea was perceived by Marxism. According to F. Engels' formula, the historian is obliged to open connections in the facts themselves, like any natural scientist. In this way, history from the field of metaphysics and the genre of inspirational literature becomes a scientific discipline. It has to discover the universal universal laws of the historical process. The first generation of Soviet Marxist historians (M. Pokrovsky, N. Rozhkov) fully identified themselves with naturalists; they identified their opponents and predecessors with the owners of false consciousness — ideologists. They used a ready-made a priori scheme: the doctrine of historical formations and class struggle. But they did not subject it to reflection. The result of this approach was a dismissive attitude to the content

of historical sources, enshrined in Stalin's 1931 directive. In the 1930s, the disciplinary status of history was criticized by K. Popper for lack of prognostication. After that the status of the empirical base of other social disciplines was fixed for a long time. The reaction to this was the formulation of special methods of historical research that were not critically accepted by Soviet and post-Soviet university science. The presence of these methods returned the status of a theoretical discipline to history. In the final part of the dialogue, this position is deconstructed on the basis of the postpositivist philosophy of science by P. Feyerabend.

Keywords: Historical Method, Philosophy of Science, Positivism, Soviet Historiography, Methodology of History, Modern Epistemology.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-71-92.

REFERENCES

- Arslanov, K. M. 2019. "Istoricheskiy metod i sovremennyye tsivilisticheskiye issledovaniya [Historical Method and Modern Civilist Research]" [in Russian]. *Metodologicheskiye problemy tsivilisticheskikh issledovaniy [Methodological Problems of Civilist Research]*, no. 1: 101–114.
- Bukharin, N. I. 1936. "Nuzhna li nam marksist-skaya istoricheskaya nauka? [Do we Need Marxist Historical Science?: O nekotorykh sushchestvenno vazhnykh, no nesostoyatel'nykh vzglyadakh tov. M. N. Pokrovskogo [On Some Essential but Untenable Views of M. N. Pokrovsky]" [in Russian]. *Izvestiya [News]*, no. 27.
- Burke, P., ed. 2001. *New Perspectives on Historical Writing*. University Park: The Pennsylvania State University Press.
- Chubar'yan, A. O., ed. 2014. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki [Theory and Methodology of Historical Science]: terminologicheskii slovar' [Terminological Dictionary]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Akvilon.
- Engel's, F. 1961. "Lyudvig Feyyerbakh i konets klassicheskoy nemetskoy filosofii [Ludwig Feuerbach and der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie]" [in Russian]. In vol. 21 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by K. Marks and F. Engel's, trans. from the German by Yu. I. Aykhenval'd, 269–317. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Feyerabend, P. 1986. "Protiv metoda. Ocherk anarkhist-skooy teorii poznaniya [Against Method. Outline of an Anarchist Theory of Knowledge]" [in Russian]. In *Izbrannyye trudy po metodologii nauki [Selected Works on the Methodology of Science]*, trans. from the English by A. L. Nikiforov, 124–467. Moskva [Moscow]: Progress.
- Foucault, M. 1996. "Nitsshe, genealogiya i istoriya [Nietzsche, la genealogie, l'histoire]" [in Russian]. In *Filosofiya epokhi postmoderna [The Philosophy of the Postmodern Era]: Sbornik perevodov i referatov [Collection of Translations and Abstracts]*, ed. by A. Usmanova, trans. from the French by V. Furs, 74–97. Minsk: Krasiko-print.
- Geller, M. 1991. "Istoriya i politika [History and Policy]" [in Russian]. In *Diplomatiya i i voyny tsarskoy Rossii v XIX stoletii [Both Diplomacy and Wars of Tsarist Russia in the 19th Century]*, ed. by M. N. Pokrovskiy, 1–4. London: Overseas Publications Interchange.
- Husserl, E. 2000. *Krizis yevropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya [Die Krisis Der Europäischen Wissenschaften Und Die Transzendente Phänomenologie]* [in Russian]. In *Logicheskiye issledovaniya. Kartezianskiye razmyshleniya [Logische Untersuchungen. Méditations cartésiennes]*, trans. from the German by V. I. Molchanov, 544–624. Moskva [Moscow] and Minsk: AST / Kharvest.

- Kant, I. 1964. *Kritika chistogo razuma [Kritik der reinen Vernunft]* [in Russian]. In vol. 3 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. F. Asmusa, A. V. Gulygi, and T. I. Oyzermana, trans. from the German by B. A. Fokht. 6 vols. M.: Mysl'.
- Kertman, L. Ye. 1971. "Zakony istoricheskikh situatsiy [Laws of Historical Situations]" [in Russian]. *Odyssey. Chelovek v istorii. Kul'turno-anthropologicheskaya istoriya segodnya [Odyssey. The Man in History. Cultural and Anthropological History Today]*: 60–75.
- Kharkhordin, O. V. 2002. *Oblichat' i litsemerit' [Denounce and Disassemble]: genealogiya rossiyskoy lichnosti [A Genealogy of the Russian Identity]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg] and Moskva [Moscow]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge / Letniy sad.
- Khatanzeykaya, Ye. V. 2019. "Strategii vyzhivaniya naseleniya v povsednevnoy zhizni sovet-skogo goroda, 1929–1945 gg. [Survival Strategies of the Population in the Daily Life of the Soviet City, 1929–1945]: po materialam Arkhangel'ska [Based on Materials of Arkhangel'sk]" [in Russian]. Published summary of a PhD diss., Arkhangel'sk, SAFU.
- Kizivetter, A. A. 1928. "Obshchiye postroyeniya russkoy istorii v sovremennoy literature [General Constructions of Russian History in Modern Literature]" [in Russian]. *Sovremennyye zapiski [Contemporary Papers]*, no. 37: 310–341.
- KolosoV, V. A. 2004. *Sotsiologiya kak nauka [Sociology as a Science]: diskussii v otechestvennoy literature 20-kh – nachala 30-kh godov XX veka [Discussions in Russian Literature of the 20s – Early 30s of 20th Century]* [in Russian]. Arkhangel'sk: izd-vo Arkh.GTU.
- Koval'chenko, I. D. 1978. "O modelirovaniy istoricheskikh protsessov i yavleniy [About Modeling Historical Processes and Events]" [in Russian]. *Voprosy istorii [History Issues]*, no. 8: 72–93.
- . 1987. *Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of Historical Research]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Le Goff, J. 2013. *Istoriya i pamyat' [Histoire et mémoire]* [in Russian]. Trans. from the French by K. Z. Akopyan. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- Mamardashvili, M. K. 2004. *Klassicheskiy i neklassicheskiy idealy ratsional'nosti [Classic and Non-Classic Ideals of Rationality]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Logos.
- Martyushov, L. N. 2016. *Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of Historical Research]: uchebnoye posobiye [Study Guide]* [in Russian]. Yekaterinburg: UrGTU.
- Marx, K. 1955. "Tezisy o Feyyerbakhe [Thesen über Feuerbach]" [in Russian]. In vol. 3 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by K. Marks and F. Engel's, trans. from the German by Yu. I. Aykhenval'd, 1–4. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Marx, K., and F. Engels. 1955. "Nemetskaya ideologiya [Die deutsche Ideologie]" [in Russian]. In Marks and Engel's 1955, 7–544.
- Pokrovskiy, M. N. 2012. *Ocherk istorii russkoy kul'tury. Ekonomicheskii stroy: ot pervobytnogo khozyaystva do promyshlennogo kapitalizma. Gosudarstvennyy stroy: obzor razvitiya prava i uchrezhdeniy [Essay on the History of Russian Culture. Economic System: from Prehistoric Economy to Industrial Capitalism. State System: Review of Development of Law and Institutions]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Knizhnyy dom "Librokom".
- Polanyi, M. 1985. *Lichnostnoye znaniye [Personal Knowledge]* [in Russian]. Trans. from the English by M. B. Gnedovskiy. Moskva [Moscow]: Progress.
- Popper, K. 1993. *Nishcheta istoritsizma [The Poverty of Historicism]* [in Russian]. Trans. from the English by S. A. Kudrina. Moskva [Moscow]: Progress.

- Rozental', M. M., ed. 1969. *Lenin kak filosof [Lenin as a Philosopher]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gospolitizdat.
- Rozhkov, N. 1926. *Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (osnovy sotsial'noy dinamiki) [Russian History in Comparative Historical Lighting (Basics of Social Dynamics)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kniga.
- Savel'yeva, I. M. 2017. "Istoricheskaya nauka v XXI veke [Historical Science in the Twenty-First Century]: klyuchevyye slova [Keywords]" [in Russian]. *Dialog so vremenem [Dialog with Time]: Al'manakh intellektual'noy istorii [Intellectual History Almanac]*, no. 58: 5–24.
- Savel'yeva, I. M., and A. V. Poletayev. 2007. "Stanovleniye istoricheskogo metoda [Establishment of the Historical Method]: Ranke, Marks, Droyzen [Ranke, Marx, Droysen]" [in Russian]. *Dialog so vremenem [Dialog with Time]: Al'manakh intellektual'noy istorii [Intellectual History Almanac]*, no. 18: 68–96.
- Shunkov, V. I., ed. 1969. *Perehod ot feodalizma k kapitalizmu v Rossii [The Transformation from Feudalism to Capitalism in Russia]: materialy Vsesoyuznoy diskussii [Materials of the All-Union Discussion]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Sorensen, T. 1996. *Kennedy*. New York: Bantam.
- Stalin, I. V. 1951. "O nekotorykh voprosakh istorii bol'shevizma [On Some Issues in the History of Bolshevism]: pis'mo v redaktsiyu zhurnala 'Proletarskaya Revolyutsiya' [A Letter to the Editorial Board of the Journal 'Proletarian Revolution']" [in Russian]. In *Sochineniya [Works]*, vol. 13 of *Sochineniya [Works]*, 84–102. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Stepin, V. S. 2013. "Tipy nauchnoy ratsional'nosti i sinergeticheskaya paradigma [Types of Scientific Rationality and Synergistic Paradigm]" [in Russian]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika [Complication. Mind. Postneclassic]*, no. 4: 45–59.
- Tuchman, B. 1962. *The Guns of August*. London: Macmillan.
- Veselov, S. I. 2019. "Avtomobil'no-dorozhnoye stroitel'stvo na severe Zapadnoy Sibiri v 1963–91 gg. [Road Construction in the Torth of Western Siberia in 1963–1991]" [in Russian]. Published summary of a PhD diss., Surgut, SurGU.
- Veselovskiy, S. B. 1963. *Issledovaniya po istorii oprichniny [Studies on the Oprichnina History]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo AN SSSR.
- Vzhozek, V. 1991. "Istoriografiya kak igra metafor [History as a Game of Metaphors]: sud'by 'novoy istoricheskoy nauki' [The Fate of the 'New Historical Science']" [in Russian]. *Odissey. Chelovek v istorii. Kul'turno-antropologicheskaya istoriya segodnya [Odyssey. The Man in History. Cultural and Anthropological History Today]*: 60–75.
- Warland, G. 2010. "Towards Professional History in Belgium and France: 'l'école de la méthode' and 'l'école de la citoyenneté'." *Leidschrift*, no. 1: 33–53.